N.C.
H.R.

Nomadic civilization: historical research. 2021. №2 | ISSN 2782-3377
National history | Doi: 10.53315/2782-3377-2021-1-2-58-78

УДК 94(470.47)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В. КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У КАЛМЫКОВ

Валерий Владимирович Батыров
кандидат исторических наук, доцент
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация
E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена вопросам административной политики Российской империи, которая оказала огромное влияние на развитие кризиса калмыцкого скотоводства в первой половине XIX в. Царская администрация, несмотря на то, что располагала богатым историческим опытом взаимоотношений с калмыцким этносом, к началу указанного века имела минимальные знания о его жизни, сути и движущих силах кочевого скотоводства, являвшихся для власти по разным объективным и субъективным причинам «терра инкогнито». Видимая неустойчивость и рискованность кочевого скотоводства в Калмыцкой степи из раза в раз подвигали астраханских губернаторов, под началом которых находились оставшиеся на Волге калмыки после 1771 года, к идее привести их к оседлому образу жизни и приобщить к земледелию. Власть как бы не предполагала и не задумывалась над тем, что радикальный переход от кочевого образа жизни к оседлости и резкая смена хозяйственной деятельности могли привести к болезненной ломке национального менталитета калмыков, большинство которых были не готовы к кардинальным изменениям своей жизни, предлагаемым царской администрацией. К концу XIX в. административная политика Российской империи, проводимая в регионе, обусловила отход калмыков от традиций кочевания, привела к глубокому социальному расслоению в обществе и формированию товарного производства.

Ключевые слова

История Калмыкии, история России, кочевое скотоводство, административная политика Российской империи в XIX в., крестьянская переселенческая деревня, традиционное общество, кризис кочевого скотоводства.

Кочевая цивилизация: исторические исследования. 2021. №2 | ISSN 2782-3377
Отечественная история | Doi: 10.53315/2782-3377-2021-1-2-58-78

N.C.
H.R.

UDC 94(470.47)

ADMINISTRATIVE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY AS THE MAIN FACTOR OF THE TRANSFORMATION OF THE CATTLE BREEDING ECONOMY AMONG THE KALMYKS

Batyrov Valery V.
candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the administrative policy of the Russian Empire, which had a huge impact on the development of the Kalmyk cattle breeding crisis in the first half of the XIX century. The tsarist administration, despite the fact that it had a rich historical experience of relations with the Kalmyk people, by the beginning of this century had minimal knowledge about its life, the essence and driving forces of nomadic cattle breeding, which were "terra incognito" for the authorities for various objective and subjective reasons. The apparent instability and riskiness of nomadic cattle breeding in the Kalmyk steppe from time to time prompted the Astrakhan governors, under whom the Kalmyks who remained on the Volga after 1771 were located, to the idea of bringing them to a sedentary lifestyle and introducing them to agriculture. The authorities did not seem to assume and did not think about the fact that a radical transition from a nomadic lifestyle to sedentarism and a sharp change in economic activity could lead to a painful breakdown of the national mentality of the Kalmyks, most of whom were not ready for the radical changes in their lives proposed by the tsarist administration.

By the end of the XIX century, the administrative policy of the Russian Empire carried out in the region caused the departure of the Kalmyks from the traditions of nomadism, led to a deep social stratification in society and the formation of commodity production.

Key words

History of Kalmykia, history of Russia, nomadic livestock breeding, 19th-century administrative policies of the Russian Empire, peasant resettlement village, traditional society, the crisis of nomadic cattle breeding.

Nomadic civilization: historical research. 2021. №2 | ISSN 2782-3377
National history | Doi: 10.53315/2782-3377-2021-1-2-58-78

ВВЕДЕНИЕ

Тема взаимоотношений Российской империи с её национальными окраинами была и остается одной из самых приоритетных в отечественном востоковедении. Однако различные аспекты политики царской администрации в XIX – начале XX вв. в отношении кочевых народов, проблемы экономического строя и эволюция общества номадов, специфические особенности кочевого скотоводческого хозяйства, земельные отношения в кочевых территориях еще не изучены в достаточной степени и по-прежнему вызывают научные дискуссии и споры. Калмыки и их предки, как известно, на протяжении длительного времени, и в прежнем Отечестве и на волжских берегах, занимались кочевым скотоводством. В традиционном ойратском и калмыцком кочевом обществе именно скот являлся главным мерилом богатства и успеха, основой жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Значение скотоводства определялось тем, что занятие им обеспечивало номадов продуктами питания, сырьем, рабочим скотом. За годы кочевнической жизни они выработали определенные традиции ведения хозяйства и в целях сохранения размножения собственного скота постоянно меняли места своих кочевок. Сезонные перекочевки являлись важнейшим условием функционирования калмыцкого кочевого скотоводства, которые позволяли наиболее оптимально распределять пастбищные кормовые ресурсы для обеспечения скота. Земледелие в Калмыцкой степи в исследуемый период находилось в зачаточном состоянии, которым занимались в основном русское население из числа переселенцев и лишь небольшая часть калмыцкого населения, проживавшая на плодородных территориях в Большедербетовском и некоторых аймаках обеих частей Малодербетовского улусов. В целом в общем хозяйственном комплексе территории земледелие играло сравнительно небольшую роль. Основой жизнедеятельности калмыков к началу XX в. по-прежнему оставалось кочевое скотоводство, включавшее в себя разведение «четырех видов скота» – овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов, занятие которым, по словам Е. Бадмаевой, исторически определяло хозяйственно-культурный тип номадов (Бадмаева, 2010: 67). Рассмотрению специфики, особенностей развития скотоводческого хозяйства калмыков, земельно-имущественных отношений в регионе, которые являются в исследовании объектом и предметом исследования, посвящена данная статья. Цель исследования – проведение на основе использования большого круга нарративных и статистических источников, свидетельств современников, в основном государственных чиновников, исследований отечественных краеведов и ученых, как дореволюционных, так и современных, комплексного анализа развития животноводства, земельно-имущественных отношений в Калмыкии в XIX – начале XX вв. В соответствии с поставленной целью в настоящей статье решаются следующие задачи:

– анализ динамики развития животноводства в Калмыкии в XIX – начале XX вв.; характеристика состояния земельно-имущественных отношений в степном регионе в указанный период,

– выяснение содержания основных направлений аграрной политики российского правительства в степном регионе, ее трансформирующего воздействия на развитие животноводства, решение земельно-имущественных отношений в Калмыкии в обозначенное время.

Именно потребность в комплексном изучении проблем развития кочевого скотоводства и в целом калмыцкого общества в XIX – начале XX вв. в одном из регионов Российской империи – Калмыкии, определила актуальность и новизну данной статьи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниками для нашего исследования стали архивные материалы, в том числе правового характера, документальные свидетельства современников, в основном чиновников местной администрации, которые являлись авторами работ о состоянии и развитии животноводства, земельно-имущественных отношений в Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. Ценные сведения по рассматриваемой нами проблеме содержат статьи, заметки, работы Я. П. Дубровы, архимандрита Гурия (Степанова), иеромонаха Мефодия (Львовского), И. А. Житецкого, Н. И. Страхова, Н. О. Очирова и др. В них, так или иначе, затрагиваются специфика образа жизни калмыков, особенности ведения частного хозяйства и пр. Использовались в исследовании опубликованные статьи и работы отечественных ученых, вышедшие с конца 50-х гг. прошлого века и по настоящее время, которые рассматривали социально-экономическое, культурное, хозяйственное развитие калмыцкого народа и степного региона в дооктябрьский период, в том числе в аспекте рассматриваемой нами проблемы. При написании настоящей статьи автор основывался на принципах историзма, рассматривая концепции и взгляды отечественных и зарубежных исследователей на историю, быт и хозяйство кочевого калмыцкого народа в их развитии и обусловленности, а также опирался на методы научного познания, применимые для исторических исследований – проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный и сопоставительный методы.

ОБСУЖДЕНИЕ

История одного из заметных кочевых народов на евроазиатском пространстве в прошлом – калмыков – не осталась без внимания отечественных и зарубежных ученых, что выразилось в появлении в дореволюционный, советский периоды и в новое российское время сотен научных исследований. В центре их внимания – общественно-политическое и социально-экономическое развитие кочевых калмыков, в том числе животноводства, земельно-имущественных отношений в Калмыкии в XIX – начале XX века. Первые работы, принадлежавшие перу видных ученых-востоковедов – В. В. Григорьеву, Н. И. Ильминскому и другим, по проблемам кочевых народов в отечественной ориенталистике стали появляться после середины XIX в. Именно с этого времени востоковедная наука начала оказывать определенное воздействие на административную политику Российского государства. Надо сказать, что влияние науки в тот период, в особенности начальный, было недостаточным и слабым. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что вплоть до середины XIX в., в отечественном востоковедении даже не произошло размежевания на отдельные дисциплины. Главным содержанием востоковедных исследований в основном являлись выявление, перевод и комментарий древних

или средневековых источников. Актуальные политические, социальные и хозяйственные вопросы восточных регионов российской империи еще не были в сфере исследовательского внимания ученых данного научного направления. Наибольшую известность получили среди служащих в иноэтничных регионах публицистические статьи В. В. Григорьева, в которых он пытался дать оценку российским задачам и интересам в Центральной Азии (Схиммельпеннинк, 2004: 248; Колчерин, 2014: 111). Первые работы отечественных ориенталистов были познавательными, содержали много ценной информации о восточных народах и тем интересны для современных исследователей. Одной из таких работ является авторский цикл статей И.А. Житецкого под названием «Астраханские калмыки (наблюдения и заметки)», где он дал по возможности подробный анализ состояния кочевого калмыцкого хозяйства, тесно связанного с природно-климатическими условиями, привел ценные сведения о путях кочевок калмыков, малоизученных исследователями и по сей день. Н. Очиров связал наметившийся постепенный переход к оседлости калмыков в XIX – начале XX века в первую очередь с сокращением земельной площади Калмыкии в связи с истощением почвы и усилившимся притоком переселенцев. На Калмыцкую степь обратили более пристальное внимание, в частности, стали организовываться научные экспедиции для определения размеров земельных угодий. В Калмыцкой степи работали несколько земельных комиссий, одной из которых была экспедиция по исследованию степных областей под руководством К. И. Костенкова. Экспедиция была организована министерством государственных имуществ в 1858–1860 гг. для научного и хозяйственного исследования Кумо-Манычской низменности и Калмыцкой степи (Калмыцкая степь, 1868). Участниками исследования было выделено несколько десятков миллионов земли, которые, по ее мнению, не использовались в полной мере и определялись как «излишки». Этими данными заинтересовались в царской администрации, в последующем они повлияли на принятие решений на государственном уровне о переселении крестьян в Калмыцкую степь.

Состояние скотоводческого хозяйства и земельно–имущественных отношений в Калмыкии в дореволюционный период, неоднозначный процесс вовлечения кочевого и полукочевого калмыцкого хозяйства в общероссийский рынок, постепенный переход калмыков на оседлый образ жизни стали предметом исследования в рамках изучения в целом истории калмыцкого народа, в частности, дореволюционного периода, в работах С. Б. Бадмаева, К.Н. Максимова, Л. С. Бурчиновой, А. Н. Команджаева, М. М. Батмаева, А. В. Цурюмова, И. В. Лиджиевой и др. На нынешнем этапе исторического познания калмыцкие авторы пытаются привлечь в своих работах современные методики для анализа, в частности, математические методы при использовании массовых статистических источников, что дает дополнительные перспективы для более объективной характеристики скотоводческого хозяйства и земельно-имущественных отношений в Калмыкии. Так, например, А.Н. Команджаев и А.Н. Андропов привлекают в своих исследованиях сводные годовые отчеты Отделения ордынских народов Астраханской палаты государственного имущества, как наиболее полно отражающие действительное состояние калмыцкого кочевнического хозяйства (Команджаев,Андропов, 2013) История и характеристика переселенческого движения крестьян в Калмыкию, влияние данного процесса на социально-экономическое развитие кочевого калмыцкого народа рассмотрены в

работах С. С. Белоусова (Белоусов,2002). Как показывают работы отечественных авторов, кочевое животноводство и калмыцкое общество под воздействием решений царской администрации к концу XIX в. переживало сложный процесс трансформации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Новые политические, экономические и социальные реалии, возникшие после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства, поставили вопрос о дальнейшей судьбе и выживании оставшейся в России части калмыцкого народа. Администрация императора Павла I, можно сказать, пошла на беспрецедентный шаг, восстановив Калмыцкое ханство, и 14 октября 1800 г. владелец Малодербетовского улуса Чучей Тундутов был возведен в сан наместника хана. Кто-то, возможно, увидит в принятом решении правителя сиюминутную причуду и волюнтаристскую прихоть, но, скорее всего, император учитывал былые заслуги калмыцкого народа в защите российского государства, потенциальную боевую силу оставшихся в составе России калмыков, достаточное количество имеющихся у них скота. Пусть на короткое время калмыки оказались в непосредственном подчинении правительства, получив, по словам И. Борисенко, право претендовать на огромные территории, утерянные ими после 1771 г. (Борисенко, 1991: 64).

Надо сказать, что законное право на кочевание по определенным российским территориям калмыки получили почти сразу после своего прихода на волжские территории. В период бытования Калмыцкого ханства российское правительство установило, насколько это возможно, более четкую границу и маршруты калмыцких кочевий. Постоянные территории летних и зимних кочевий улусов находились по обеим сторонам р. Волги. В конце XVIII в. профессор П. С. Паллас, который во время своих путешествий побывал в Калмыцкой степи, оставил следующие сведения: «Калмыки со стадами своими зимою кочуют в полуденной стороне Волжской степи и вдоль берега Каспийского моря <...> По наступлении весны подаются они помалу к северу» (Паллас, 1809: 481–482).

Администрация Павла I после решения о восстановлении статуса калмыцкого народа стала устанавливать новые границы территорий кочевий номадов. Большую роль в деле отвода территорий сыграло Министерство внутренних дел, которое указало, что, несмотря на указ императора Павла I от 27 сентября 1800 г. из-за невозможности установить точные границы прежних кочевий и урочищ, по которым кочевали калмыки, земли в «том пространстве» отдать калмыкам «никак не можно». Также положение осложнялось тем, что большая часть из этих спорных земель уже давно была роздана в частное владение. Поэтому в Сенате закрепили за калмыками территории, которые не были в частном владении, приказав «вразумить их (калмыков. – *В. Б.*), чрез Приставов и Старшин, <...>, чтоб приняли они безропотно те распоряжения, кои к отводу им земель за нужное признано сделать» (ПСЗ РИ 1830а: 653).

Выше отмеченные нами наметившиеся тенденции в восстановлении в полной мере статуса Калмыцкой степи и кочевых территорий, оставшихся на волжских территориях калмыков, просуществовали недолго, поскольку вступали вразрез с

экономическим развитием приволжских земель. Уже в 1801 г. следующий император Александр I в своей грамоте на имя ханского наместника перевел калмыков в подчинение астраханского военного губернатора. Образовывался институт приставов с целью создания полноценного аппарата управления калмыцким народом, которые назначались Коллегией иностранных дел, а непосредственно подчинялись астраханскому военному и гражданскому губернаторам. (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 219. Л. 8–9). В 1802 г. императором было приказано отвести калмыкам территории от Царицына до берегов Каспийского моря. Однако с самого начала отвод земли оказался затруднительным из-за возникавших конфликтов между калмыками и русскими крестьянами, проживавшими по р. Волге. Император Александр I для окончательного разрешения земельных споров и разграничения кочевых территорий в мае 1803 г. выпустил указ, которым предписывалось саратовскому гражданскому губернатору П. У. Белякову совместно с князем А. К. Цицановым решить вопрос «до отвода земель Калмыкам касающимся» (ПСЗ РИ. 1830а: 635–636). 12 июня 1803 г. Сенат дал астраханскому военному губернатору князю А. К. Цицианову поручение об «отводе земли в Астраханской губернии калмыкам» и назначить особого чиновника. Это задание было возложено на генерал-майора Астраханского гарнизонного полка И. И. Завалишина (ПСЗ РИ. 1830б: 290). 27 октября 1803 года Коллегия иностранных дел получила указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и суда их Зарго Астраханскому военному губернатору», дезавуировавший законодательные инициативы Павла I по отношению к калмыцкому народу. По этому указу астраханский военный губернатор должен был представлять раз в шесть месяцев лишь краткие сведения о состоянии калмыцкого народа в Коллегию иностранных дел (ПСЗ РИ. 1830а: 955).

Подготовка проекта о калмыцких землях велась совместно астраханским и саратовским губернаторами. И. И. Завалишин после изучения вопроса подготовил проект положения «О назначении земель калмыкам в Астраханской и Кавказской губернии», на основании которого в Сенате было принято «Положение об отводе земель Калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и частию Саратовской» от 19 мая 1806 г. (ПСЗ РИ. 1830б: 283). По этому указу в качестве кочевых мест калмыцкому народу устанавливалась территория от р. Волги до границ области Войска Донского, а также от р. Кумы до селений Чапурники и Цаца. За пределами этих территорий остались земли вдоль крупных рек, которые признавались «способными для поселения» крестьян. Это, прежде всего, реки Волга, Маныч и Калаус. Правительство, изъяв земли вдоль крупных рек из кочевий, скорее всего, осознало, что главным неудобством «новых» калмыцких территорий является малое количество на них водных ресурсов. Так, многочисленные частные поместья, а также селения казенных крестьян почти полностью отрезали торгутские улусы от доступа к р. Волге. Для решения этой злободневной проблемы предлагалось нарезать скотопрогоны в удобных местах. Только дербетским улусам временно до заселения этих территорий крестьянами разрешалось кочевать вдоль р. Маныч и Калаус, но и там предполагалось нарезать земли для будущих скотопрогонов (ПСЗ РИ. 1830б: 284).

В условиях сложившегося сокращения отведенных ранее правительством калмыцких земель наиболее остро стал вопрос о возможности кочевания туркмен на пастбищных территориях, занимаемых калмыками. Еще в 1803 г. туркменский

пристав, статский советник Дзюбин, указывал, ссылаясь на решение Государственной коллегии иностранных дел: «трухменцы с первоначального прихода в подданство российское при калмыцком Аюке хане кочевки всегда с калмыками до побега калмыцкаго в 1770 году бывшаго и по том также до ныне по тем самым местам, как и прежде в летнее время кочуют след в след калмыкам» (ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 3). 11 апреля 1809 г. в целях разрешения проблемы кочевий на указанной территории Главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане генерал-фельдмаршал И. В. Гудович прислал Главному приставу калмыцкого народа А. И. Ахвердову копию с отношения товарища министра иностранных дел А. Н. Салтыкова, в котором приказывалось присоединить – «приписать» – туркменских татар к калмыкам (ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 34). Результатом принятого административного решения по объединению двух кочевых народов под управлением одного административного органа стал отвод земель «трухменскому народу», по которому река Кума должна была стать границей между калмыками и народом «магометанского вероисповедания». Однако «трухменцам по уважению тому, что на землях, им отходимых, верблюды их при Куме и Мочагах не могут выносить овода, дозволяется переходить чрез реку сию и кочевать по следам калмыков по Калаусу и Эргеням». Переход скота разрешался только в двух местах «при урочищах Джилан Кему и Гахаин Гаталган». Данное решение правительства почти сразу стало причиной разногласий между калмыками и туркменами, в первую очередь из-за того, что для калмыцких скотоводов эти территории были зимовыми местами. Многочисленные стычки и жалобы со стороны обоих народов привели к тому, что «по выходе калмык весною из Мочагов, запрещается трухменцам вытравливать зимовые их места <...> Запрещается трухменцам и армянам во время отсутствия калмыков с реки Кумы и из Мочагов выжигать там камыш для выгону и ловли зверей (ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 92). В документе также отмечались многочисленные злоупотребления со стороны жителей города Кизляра, которые стали «гонять стада свои под видом Трухменских».

Серьёзные конфликты по поводу использования кочевых земель случались и внутри калмыцкого общества. Представители калмыцкой элиты, преследуя свои личные, частнособственнические интересы, пользуясь бесконтрольностью со стороны губернской администрации, производили различного рода злоупотребления с землей, тем самым нарушая многовековые национальные традиции управления кочевьями. Так, в 1823 г. жители Дербетовского улуса подали коллективное прошение Главному калмыцкому приставу А. В. Каханову, в котором сообщали, что их покойный улусовладелец Эрдени Тундутов «самовольно без согласия своих зайсангов и прочаго народа» продал территории по левую сторону р. Кумы помещику А. Ф. Реброву, хотя он «сам собою без согласия подвластных распоряжаться права не имел» (НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 54).

В 1821 г. Министерство иностранных дел России направило Главному приставу калмыцкого народа А. Каханову указание собрать мнения калмыцких владельцев о новых изменениях в Степном Уложении с учетом изменившейся ситуации в вопросах пользования кочевьями номадами. 19 марта 1822 г. А. Каханов созвал совещание в урочище Зинзили из представителей калмыцкой знати и буддийского духовенства (НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 61). Однако итоги съезда оказались безрезультатными

вследствие того, что представители калмыцкой элиты не смогли выбрать единую позицию по выработке общекалмыцких требований и запросов к российской администрации, в частности, по защите территории кочевий калмыцких улусов.

Центральная администрация, надо сказать, никогда не оставляла попыток «экспроприировать» бескрайние, пустующие, на их взгляд, территории кочевий калмыков, на которых «беспорядочно блуждают небольшие группы кочевников». Еще в первой половине XIX в. Главный попечитель А. М. Фадеев указывал на наличие якобы огромных, свободных территорий у калмыков: «ныне в пользовании калмык там находящиеся земли, 1 598 142 десятины» (ГА АО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 12. Л. 10). Губернская власть с дозволения центральной администрации принялась усиленно проводить захват так называемых земельных «излишков» у калмыцкого населения. Начало колонизации территории кочевий калмыков и др. кочевых народов было положено в конце XVIII в. И первым опытом стали события 1785 г., когда генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний Г. А. Потемкин, желая обеспечить торговлю и курьерскую службу на дороге из Царицына на Кавказскую линию и в город Черный Яр, предложил поселить при почтовых станах «сходцев из других губерний и поляк». По его приказу крестьянские семьи были «водворены по Кавказскому тракту в селения Чапурники, Цаца, а по черноярской дороге при Татьянинской и Поповинской почтах слободы – Светлый Яр и Райгородок» (ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2502. Л. 114). В начале XIX в. саратовский губернатор П. У. Беляков предложил основать еще несколько русских поселений на дорожном тракте от Царицына на Кавказ на территории калмыцких кочевий. По его мнению, основание еще нескольких русских поселений калмыки потерпят, ибо за отделением «горсти земли русским поселянам, останутся калмыкам обширнейшие степи» (ГА АО. Ф. 1. Оп. 1.Д. 2502. Л. 116 об.).

Из-за «корректировки» земельных угодий, принадлежавших ранее калмыкам, в сторону уменьшения калмыцкое скотоводческое хозяйство в условиях экстенсивного ведения скотоводства стало испытывать кризисные явления, приходить в «расстройство», приведшее к резкому обнищанию калмыцкого населения. В 1827 г. сенатор Ф. И. Энгель, прибывший в Астраханскую губернию, после недолгого изучения сложившейся ситуации на месте пришел к выводу о том, что главной причиной падения скотоводства у калмыцкого народа и его обнищания стала неограниченная власть нойонов, которым, по его мнению, «Положение об управлении калмыцким народом от 1825 г.» «дало много привилегий и власти». Показательно, что сам сенатор Энгель не связывал падение уровня жизни калмыков с ограничением территории их кочевий, хотя он имел возможность на основе сведений, получаемых им с мест, составить мнение о влиянии процесса «урезания» территории калмыцких кочевий на состояние калмыцкого скотоводческого хозяйства, полноценное развитие которого служило основным источником жизнеобеспечения степного населения. Между тем об этом прямо и недвусмысленно говорилось в ответе Комиссии калмыцких дел на запрос сенатора: для калмыков «примитивное» кочевое скотоводство является «обильным источником благосостояния» (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 368. Л. 5). Среди других причин, вызвавших кризисные явления в калмыцком обществе и хозяйстве, называли пагубное «влияние духовенства, нравственный разврат в народе и, наконец, сам порядок управления» (Костенков, 1870: 24).

Центральная администрация, начиная с XVIII века, последовательно проводила линию на привитие калмыкам навыков оседлой жизни, которая на практике встречала несогласие со стороны почти всех слоев кочевого общества. К чести верховной власти она, столкнувшись с негативным отношением степняков к принуждению к оседлости, в этот период не стала прибегать к жестким административным методам, проводя, если можно так выразиться, более «мягкий» вариант обоседления кочевых калмыков. Администраторы, долгое время не видевшие перспективы для развития калмыцкого кочевого скотоводства, в целом кочевого общества, в конечном итоге отказались от дальнейших попыток их коренного реформирования. Им оставалось только продолжить политику невмешательства во внутреннюю жизнь калмыцкого общества, в его хозяйственную жизнь, заниматься, по сути, простейшим администрированием вопросов управления Калмыцкой степи. Вместе с тем властями для приобщения кочевников к оседлой жизни применялись различного рода ухищрения, уговоры и пр. Показательны в этом отношении только лишь три примера, демонстрирующие откровенное желание царской администрации через нойонов и зайсангов склонить калмыков к переходу на оседлый образ жизни и к занятию земледелием. Так, в 1765 г. хошутский нойон Замьян, будучи в Петербурге на приеме у императрицы Екатерины II, обратился к ней с просьбой построить ему деревянный дом и «изъявил желание жить на русском порядке». На высказанную просьбу Замьян получил согласие с условием перевести на оседлость своих подвластных. Понятно, что данное условие нойон не смог выполнить в силу объективных причин и обстоятельств. 19 июля 1798 г. его приемный сын Тюмень-Джиргалан купил землю за 4000 руб. у коллежского асессора М. Везелева (так называемую Цаган Ламинскую дачу) в Енотаевском уезде. Джиргалан проживал на купленной земле, однако одно только нахождение на ней отнюдь не означало переход этого знатного калмыка к оседлому образу жизни, так как его скотоводческое хозяйство по-прежнему оставалось кочевым. В начале XIX в. внук Замьяна Серебджаб Тюмень в своем прошении к астраханскому губернатору И. Я. Бухарину упоминал, что имеет «постоянное селение, а не кочевое селение Тюменевка». Действительно в поселке были поселены калмыки, которых Тюмень пытался приучить к ремёслам, а также к занятию земледелием путем заведения бахчей. Но и эта попытка в целом оказалась неудачной по причине активного неприятия нововведений нойона его подвластными людьми, продолжавшими в основном заниматься кочевым скотоводческим хозяйством. И все же данные примеры свидетельствуют о начавшемся постепенном переходе отдельных нойонов под давлением администрации к оседлому образу жизни и смене хозяйственной деятельности.

Будущее калмыцкого скотоводства постоянно находилось в поле зрения российских чиновников, большинство из которых сходилось во мнении, что кочевое скотоводство как остаток «калмыцкой старины» не жизнеспособно к «дальнейшему прогрессу», а потому оно со временем исчезнет. Во многом такого рода убеждения, в частности, губернских чиновников, курировавших Калмыцкую степь, в массе своей имевших административный опыт государственной службы в некочевых регионах, складывались из незнания ими специфики кочевого хозяйствования и природно-климатических условий аридной территории, слабой осведомленности о действительном положении калмыцкого скотоводства. Отчасти это происходило

из-за недостатка и, зачастую, отсутствия административных кадров в улусах и хотонах, вплотную и профессионально занимавшихся учетом скота и подготовкой для губернского начальства сведений об их количестве. Учетная и статистическая работа на местах из-за попустительства властей проводилась спустя рукава. Достаточно сказать, что даже в конце XIX в. собирание сведений «первой важности» о скотоводстве возлагалось на опекунов и правителей улусов, которые в основном занимались управлением своего хозяйства, перепоручая эти обязанности на аймачных зайсангов и родовых старшин, «а главное – сведения эти не проверяются никогда» (НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16).

Астраханские губернаторы и попечители калмыцкого народа придавали первостепенное значение только развитию в регионе оседлого земледелия, которым в большинстве своем занималось православное население России. Лишь отдельные представители российской администрации, например, барон Н. И. Вревский, считали, что в Калмыцкой степи «главной формой хозяйства необходимо считать скотоводство», которое существует «не как исключительное следствие привычек и характера народа, но имеет в своей основе, главным образом, естественныя условия страны» (НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 33).

Переход к оседлости, по мнению чиновников, должен был способствовать преодолению «косности» образа жизни калмыцкого кочевого общества. Привитие калмыкам русской православной гражданственности являлось необходимым условием полноценного вхождения калмыцкого народа в единую русскую православную общность, после чего узкое и косное буддийское духовенство уже не сможет оказывать на калмыцких кочевников своего негативного влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации [Страхов, 1810: 26].

В 1835 г. после принятия «Положения об управлении Калмыцким народом» на вновь учрежденную должность Главного попечителя калмыцкого народа был назначен тайный советник А. М. Фадеев. В бумагах, составленных им во время службы (1836–1839 гг.), чиновник определенно высказывал «предположение о постепенном направлении калмыцкого народа к хлебопашеству не может и иначе быть проведено <...> как ходом весьма медленным. Дух сего народа, – вековые их обычаи, – и разсеянность удобных земель для хлебопашества поставляют непреодолимые препоны к ускорению в том успехов» (ГА АО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 12. Л. 10).

Последним из правящей элиты, кто пытался добиться перевода калмыков на оседлый образ жизни, но несколько иным образом, чем другие чиновники, стал астраханский губернатор И. С. Тимирязев. Он подготовил в 1836 г. проект по образованию особого казачьего калмыцкого полка, на который предполагалось возложить кордонную службу. В феврале 1837 г. губернатор отправил два представления на имя военного министра А. И. Чернышева и министра внутренних дел Д. Н. Блудова, содержавшие уже готовый проект формирования Астраханского калмыцкого казачьего полка (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 2). Создание полка, как считал чиновник, должно было привести 650 калмыцких семей к оседлой жизни (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 5–7). Одновременно губернатор 26 июня 1836 г. приказывал товарищу Главного Попечителя Спыткову узнать, нет ли среди калмыков Большедербетовского улуса желающих «основать твердую оседлость и заняться хлебопашеством». В случае отсутствия возжелающих среди калмыков, губернатор приказывал продолжить

политику склонения кочевников к полуоседлому образу жизни путем организованной заготовки кормов и обустройства постоянных помещений для скота: «к заготовлению на зимнее время для скота их корму, зделания приютов оному для предохранения от гибели в зимния вьюги и холода» (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 7. Л. 4).

В 1844 г. очередной прибывший для ревизии в Астраханскую губернию чиновник – сенатор П. П. Гагарин окончательно поставил крест на попытке организации калмыцкого полка, убедив правительство отозвать И. С. Тимирязева из Астраханской губернии (Бузгулов, 1997: 93). С уходом И. С. Тимирязева проект создания калмыцкого полка оказался заброшенным. П. П. Гагарин в докладной записке («отношении») на имя Министра Государственных имуществ графа П. Д. Киселёва высказал весьма нелестное «мнение» о калмыцком народе: «постоянной от них пользы почти нет никакой; от податей они изъяты, а из натуральной повинности для правительства несут одну кордонную, весьма ничтожную, для которой ежегодно командируются к Астраханскому казачьему войску 205 калмыков» Он также отмечал, что «кочевая жизнь порождала в их среде (калмыков. – *В.Б.*) болезни, бедность, разные противоправные поступки» (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 24. Л. 50). Усилия всех уровней администрации по обоседлению калмыков, по его твердому убеждению, должно было однозначно привести к росту их материального благосостояния, приобщению этноса к русской культуре и православной религии.

Мнение сенатора П. П. Гагарина, возможно, стало для правительства одним из решающих доводов, определивших дальнейшую судьбу калмыцкого народа и развитие кочевого скотоводства. На основании его докладной записки царская администрация запустила целую череду мероприятий по переселению русских крестьян на калмыцкие земли. Указом от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии» предусматривалось создание 44 станиц у дорог, пролегавших через калмыцкие кочевья, в которых могли быть поселены по добровольному согласию калмыки всех сословий (Белоусов, 2002: 120).

В другом правовом документе этого времени «Положение об управлении калмыцким народом от 1848 г.» предлагались меры практического характера по улучшению ведения хозяйства скотоводами в самой Калмыцкой степи. Так, в главе 6 «Об обязанностях по улучшению нравственного и хозяйственного быта калмыков» указывалось: «в видах улучшения хозяйственного быта калмыков, нойоны и правители улусов должны всевозможно внушать им пользу трудолюбия и обзаведения постоянным хозяйством, приохочивая к оседлости, к устройству загонов для скота, колодцев для водопоя, к заведению садов, лесов, к распространению хлебопашества, огородничества» (ПСЗ РИ, 1848: 369).

Часть из этих настоятельных рекомендаций администрации, а именно необходимость проведения работ по «устройству загонов для скота, колодцев для водопоя» была положительно воспринята калмыцкими скотоводами, которые понимали важность и необходимость таких работ для устойчивого развития собственного кочевого хозяйства. Впрочем, надо отметить, что рекомендованные администрацией загоны для скота, сделанные из различного материала, и колодцы с питьевой водой уже широко использовались кочевниками ранее в повседневной хозяйственной деятельности.

Nomadic civilization: historical research. 2021. №2 | ISSN 2782-3377
National history | Doi: 10.53315/2782-3377-2021-1-2-58-78

Стремление царской администрации заселить якобы «пустующие земли» кочевников, попутно приобщить их к оседлому образу жизни, занятию земледелием стало для чиновников своеобразной идеей фикс. Для реализации этой цели они затеяли переселение в Калмыцкую степь крестьян из центральных районов России, ощущавших нехватку земли для хозяйствования в местах прежнего проживания. Особенно усилился все более нарастающий поток крестьян на земли калмыцких кочевников после отмены крепостного права в 1861 г. Механическое переселение крестьян, в частности, в Калмыцкую степь со временем поставило калмыцкий народ на грань выживания. Да и переселенные крестьяне оказались в стесненных земельных условиях. Власти, инициировавшие и проводившие переселенческую политику в кочевой регион, в общем, не обратили внимания на то, что всем крестьянам-новоселам было мало той территории, выделенной в основном для ведения земледельческого хозяйства. Еще в 1803 г. особый чиновник по делам «назначения земель калмыкам в Астраханской и Кавказской губернии» генерал-майор И. И. Завалишин писал по поводу недостатка пахотной земли у переселенцев в Калмыцкую степь, отметив в своем донесении по инстанции вскользь, как неважную деталь, что у редкого из переселенцев есть «степной земли столько, чтоб можно было, не выходя за рубеж, производить запашку и пастьбу» и что они «нуждаются в землях для скотоводства» (ПСЗ РИ, 1806: 297). Новоприбывшие крестьяне не могли полноценно заниматься хлебопашеством из-за отсутствия достаточных запасов водных ресурсов и дождей, часто случавшихся засух и пр. Так, в 1879 г. у крестьян Малодербетовского улуса «все посеянные хлеба от сильных жаров и бездождия начали сохнуть, так что рожь большею частию всю должны были скосить еще зеленую, дабы сохранить ее хотя для корма скота» (НА Калм НЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16). Многим из переселенцев из-за специфических условий аридной территории Калмыцкой степи, в особенности в центре и на востоке степи, пришлось отказаться от занятий земледелием и перейти к ведению кочевого скотоводческого хозяйства. Крестьяне активно занимали земли, ранее принадлежащие кочевым калмыцким скотоводам, некоторая часть из которых, не выдержав серьезной конкуренции с переселенцами, была вынуждена перейти к занятию отходническими промыслами. Поток переселенцев, несмотря на сложные природно-климатические условия Калмыцкой степи, с каждым годом увеличивался, и крестьяне, надо отметить, успешно занимались скотоводством. По данным А. Команджаева в конце XIX в. переселенцы-крестьяне составляли около четверти населения Калмыцкой степи, у них наблюдался довольно значительный прирост поголовья животных: «только по двум волостям (Элистинскому и Ремонтненскому) на каждую сотню жителей приходилось 8 лошадей, 190 голов КРС, 6 025 овец и 18 коз. За исключением лошадей, эти цифры значительно превосходили численность поголовья, имеющегося у калмыков [Команджаев, 2009: 85].

С усилившимся переселенческим движением в Калмыцкую степь скотоводство калмыков и пришлых крестьян оказалось в условиях земельного голода. Тем не менее как у кочевников, так и у крестьян наблюдался рост, хотя и медленный, общего поголовья животных. Если в 1863 г. в основном калмыки имели 803941 овец, 143345 голов крупного рогатого скота, то в целом в дореволюционный период,

по выведенным обобщенным данным А. Н. Команджаева, в Калмыкии у калмыцких скотоводов и крестьян-переселенцев имелось: лошадей – 88,0 тыс. голов, крупного рогатого скота – около 500 тыс., овец – 1,5 млн, верблюдов – 25 тыс., коз – 20 тыс. Помимо этого, очевидно, как замечает исследователь, в переселенческих селах, наверняка, имелись свиньи и козы, которые не отражены в представленной им статистике.

Организация и успешное развитие крупных товарных скотоводческих хозяйств у переселенцев стали возможными, в том числе, за счет самовольного незаконного выпаса животных или дешевой аренды удобных участков земли под выпас скота и сенокошения. Постоянно усиливавшийся захват земли переселенцами при попустительстве губернской администрации вызывал естественное недовольство калмыцкого населения. Неудивительно, что на съезде калмыцких скотоводов в 1903 г. основным вопросом стал выпас в Калмыцкой степи «постороннего скота». Крестьянское оседлое население, по словам участников съезда, осуществляет «поступательное движение вглубь калмыцкой кочевки» и проводит «захваты Калмыцкой степи» при полном бессилии «родовых (аймачных) обществ в деле регулирования выпаса постороннего скота» (Наберухин, Тепикин, 1980: 44). Подавляющее большинство калмыцких представителей заявило, что выпас «постороннего скота» должен быть запрещен повсеместно на всей территории. Немногочисленные попытки отдельных чиновников управления калмыцким народом по защите калмыцких пастбищ, как, например, усилия Главного попечителя В. А. Башкирова, не могли играть особой роли ввиду того, что основное количество нарушителей проживало в пределах самой Калмыцкой степи [Лиджиева, 2016: 29].

Непродуманные решения властей, принятые без учета объективных реалий, привели к тому, что как кочевники, так и крестьяне, столкнулись с катастрофической нехваткой земли для ведения скотоводства, что создало для них сложные и трудноразрешимые проблемы, выливавшиеся подчас в межземельные споры и конфликты. Однако следует сказать, что переселенческий процесс в Калмыцкой степи в то же время имел и положительные стороны. Кочевники постепенно приобщались к земледельческому труду, научились выращивать хлеб и овощи, ставшие со временем непременным атрибутом их довольно скудного рациона питания. Крестьяне успешно перенимали у калмыков навыки ведения скотоводства, в чем номады имели богатый многовековой опыт. В процессе взаимного общения те и другие перенимали друг у друга прогрессивные способы ведения хозяйства. Калмыки по примеру переселенцев больше стали заготавливать корма для скота. Первые факты сенокошения у них отмечались еще в 1830-х гг. Так, в 1839 г. А. В. Попов отмечал, что после 1833 г. многие калмыки в Малодербетовском улусе «запасали на зиму столько кормов, что их хватало не только на период зимовки, но даже оставался избыток» (Попов, 1839: 45). Чиновник особых поручений барон Н. Вревский в своем рапорте от 22 ноября 1879 г. на имя министра государственных имуществ П. А. Валуева писал: «Приехав в Калмыцкую степь в начале июня месяца, я застал степных жителей в большой тревоге <...> у степных жителей Калмыков и крестьян урожай трав, на сенокосных местах, был очень скудный, и запасов сена, вследствие засух, во многих местах не сделано вовсе, у других хотя и сделаны, но незначительные» (НА Калм НЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16). По словам П. Небольсина, в XIX в. калмыки связывали

заготовленное сено в снопы, которые складывались в стога, состоявшие из тысячи снопов (Небольсин, 1852: 15). Сенокошение и заготовка кормов на зиму для скота прочно вошло в повседневную жизнь калмыков.

Административные реформы от 16 марта 1892 г. усилили процесс разрушения замкнутости скотоводческого хозяйства калмыков и вывели его на более качественный торгово-промышленный уровень. Под влиянием общероссийских тенденций кочевое хозяйство калмыков стало радикально изменяться с учетом все большего значения товарности производства. Скотоводческие хозяйства стали больше ориентироваться на рынок, что привело к активному развитию товарных отраслей животноводства. Калмыки, да и крестьяне тоже, не имея государственных заказов, выращивали и продавали скот в основном для собственного жизнеобеспечения. Однако, к примеру, на ускоренное развитие коневодства в Калмыкии в этот период оказало влияние принятое в 1894 г. Военным министерством «Положение о комплектовании войск лошадьми при приведении армии в полный состав и во время войны, в применении к калмыкам Астраханской губернии» (НА РК. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1228. Л. 1).

Важным итогом административной политики Российской империи стали глобальные трансформации в традиционном мировоззрении кочевников. В исследовательских работах по культуре монгольских народов распространено убеждение, что земля в среде кочевых этносов как таковая не представляла ценности. При наличии частной собственности на скот в кочевых обществах представления оседлых обществ о собственности на землю были неактуальными (Кычанов, 1997: 184). Говоря о собственности на землю в традиции кочевых культур Центральной Азии и Южной Сибири, следует отметить отсутствие явного экономического и юридического контекста представлений о собственности на землю в мировоззрении монгольских народов. Вместе с тем надо сказать, что в культуре кочевых этносов существовали устойчивые, духовные связи с землей и потому стоит усомниться в тезисе о том, что номады в действительности легко могли менять места проживания (Содномпилова, 2009: 263).Склонность к перемене мест древними кочевниками не определялась слабой связью с точками своего обитания, к этому подвигала их необходимость сохранить скот – основу жизнеобеспечения номадов. Об этом вечном движении кочевников, их причинах писал легендарный советский полководец О.И. Городовиков: «Кочевье – это вечная погоня за кормом для скота. Весной скотовод гонит свое стадо на пастбище на север, где и проводит с ним все лето до поздней осени, здесь много корма для скота… К зиме степь становится суровой. На ее открытых просторах разгуливают ветры. Трава за лето выгорает, и скоту нечем питаться. Надо подаваться на юг, где еще есть трава, и кочевник начинает перекочевывать к Маныч и дальше, к низовьям Терека и Кумы» (Городовиков 1957: 19).

С развитием товарных, капиталистических отношений в обществе земля стала представлять для кочевников особое значение, происходило изменение их ментальности в виде усиления в ней частнособственнических настроений (Фризен, 2016: 117). В традиционном кочевом обществе каждый род имел свои сезонные пастбища, но эти земли не предоставлялись в частную собственность, а только в пользование. С началом переселенческой политики в Калмыцкую степь представления о землеустройстве у кочевников стали меняться. В условиях постепенной утери наиболее удобных земель, калмыки нуждались в наличии земельных участков именно в собственности, чтобы на них не могли посягать власть и переселенцы.

Реформы 1892 г. привели к изменению традиционных правил кочевок и землепользования. Население калмыцких аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения для того, чтобы больше получить сенокосных и пастбищных угодий, эффективно использовать свои территории в условиях всё большего роста крестьянской переселенческой деревни и связанного с ним серьезного сокращения территории калмыцких земель. Менялась и структура семейных отношений, подстроенная под новые веяния. Из каждого калмыцкого хозяйства большой патриархальной семьи выделяли совершеннолетних членов мужского пола. Это позволяло, к примеру, получить преференции в виде дополнительного пая из общинных сенокосных угодий. Вынужденная сегментация большой патриархальной семьи в конце XIX в. привела к распространению малой индивидуальной моногамной семьи (Батыров, 2016: 101).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты административной политики Российской империи в Калмыцкой степи к началу XX в. в целом оказались ничтожными и не соответствовали затрате значительных финансовых сумм, которые расходовались из казначейства и из сборов с местного населения. Эти расходы с определенного времени стали распространяться и на новоприбывших крестьян из других регионов России, поток которых на калмыцкие земли значительно усилился, в особенности после отмены крепостного права в России в 1861 г. Правительство поощряло колонизацию Калмыцкой степи, имея в виду свои далеко идущие планы. Если в первой половине XIX в. оно стремилось проводить колонизацию территории постепенно, заселяя ее крестьянами-переселенцами вдоль трактов, чтобы не нарушать традиционные маршруты кочевания калмыков, то во второй половине XIX в. маршруты переселения крестьян распространялись вглубь территории Калмыцкой степи. Крестьяне, пользуясь определенной поддержкой со стороны административных органов Астраханской губернии, занимали, иногда и самовольно, плодородные земли и на них развивали хлебопашество. Там, где у них земли были менее плодородными, они наравне с калмыками занимались и, надо сказать, достаточно успешно разведением различных видов скота. Занимая и зачастую захватывая все больше территорий прежних кочевий калмыков, крестьяне стали вытеснять их из степи, вынуждая сокращать собственное поголовье скота, переходить к занятию отходническим промыслом – ловлей рыбы, соледобычей и пр. Немалое число калмыков стало заниматься строительными, транспортными и другими работами, трудиться наемными работниками в качестве батраков, поденщиков, табунщиков, пастухов в русских селах или у своих же зажиточных калмыков.

Сокращение пастбищных угодий в результате проводимой правительством России политики по ограничению территорий для кочевания калмыков уже со второй половины XIX в. сделало невозможным функционирование у номадов традиционной пастбищной системы. Единственным способом для выживания в условиях земельного «голода» был переход к полукочевому, а затем и базовому скотоводству. К началу XX в., по словам С.С.Бадмаева, «завершился переход от кочевого к полукочевому скотоводству и шел интенсивный процесс перехода к оседлому товарному

Nomadic civilization: historical research. 2021. №2 | ISSN 2782-3377
National history | Doi: 10.53315/2782-3377-2021-1-2-58-78

хозяйству. И если для большинства улусов было характерно полукочевое хозяйство как переходное к оседлому, то для некоторых улусов (Большедербетовского, отдельных аймаков Малодербетовского, Яндыко-Мочажного, Александровского) основу составляло оседлое хозяйство» (Бадмаев, 1994).

Проведение радикальных хозяйственных и социальных изменений в жизни кочевых калмыков находилось в рамках тогдашней парадигмы государственного развития Российской империи, общей обрусительной политики государства по отношению к национальным этносам. Сами чиновники, состоящие в штате управления калмыками и усиленно предлагавшие перевод калмыков на оседлость, замену буддизма на православие, скотоводства на земледелие, зачастую не имели даже общего представления о языке, хозяйстве, верованиях, нравах и обычаях степного народа. Огромная многонациональная империя оказалась неспособной подготовить достаточное количество административных кадров, которые были не готовы к полноценной и эффективной работе в иноэтничных и иноконфессиональных регионах. Более того, чиновники, работавшие на периферии, в частности, в Калмыцкой степи, не стремились выбиваться из узких рамок своих должностных обязанностей, рассматривая службу в отдаленных регионах как очередной этап в своей служебной карьере. Министерства и ведомства России не имели даже формализованных знаний о социально-экономическом состоянии кочевых народов Востока. Видимо, по этой причине на протяжении первой половины XIX в. государством так и не были выработаны правильные и устойчивые взгляды на общественное развитие и скотоводство калмыков; решение этих вопросов было практически полностью отдано на откуп чиновникам местной губернской администрации. Служилые люди не учитывали многовековой опыт калмыцкого народа занятием скотоводством, устроенного им сообразно природно-климатическим условиям места проживания, если говорить, в частности, о Калмыцкой степи, то в целом ее территория, почвенная структура, климат никоим образом не подходили для земледельческого труда. Кочевое хозяйствование и буддизм на протяжении многих столетий были для калмыков образом жизни. Судьба калмыцкого народа, дальнейшие пути социально-экономического развития этноса в тот исторический период всецело, можно сказать, зависели не от профессиональных знаний губернских чиновников, а от их личных предпочтений и волюнтаристских решений. В рамках и в условиях общеимперской национальной политики, суть которой состояла в скорейшем объединении социальных, экономических и хозяйственных интересов калмыков с общероссийскими, хозяйственная культура калмыцкого народа оказалась заложником этой самой политики, непродуманных действий губернских властей. Социальные и хозяйственные меры, предлагаемые властью по отношению к калмыцкому народу, показали свою несостоятельность и нежизнеспособность. В целом можно констатировать, что принятые различного рода решения и действия российской администрации, направленные на переход калмыков к земледелию, оседлому образу жизни, православию, так и не оправдались. В правящей верхушке и у губернских властей еще не появилось осознание необходимости использования достижений ориенталистики для подготовки грамотных административных кадров, выработки правильных государственных решений по дальнейшему развитию земельных отношений в регионе, кочевого

скотоводства калмыков, что в конечном итоге повлекло за собой не только глубокое социальное расслоение национального общества, но и постепенный отход от традиций кочевания, ставший к концу XIX в. одной из главных причин кризиса ведущей отрасли народного хозяйства Калмыцкой степи.

Литература

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи.Т. XXVII. 1-е собр. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канцелярии, 1830а. 1196 с.; Т. XXIX. 1-е собр. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канцелярии, 1830б. 1389 с.; 2-е собр. Т. XXII. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел-ва Канцелярии, 1848. 951 с.

ГА АО – Государственный архив Астраханской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2502; Ф. 857. Оп. 1. Д.12.

ГА СК – Государственный архив Ставропольского края. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 3

НА КалмНЦ РАН – Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199; Ф. 2. Оп. 1, д. 368; Ф. 9. Оп. 1. Д. 219; Ф. 9. Оп. 4. Д. 131;Ф. 9. Оп. 5. Д. 1228. Л. 1.

Гурий (Степанов), архимандрит (1915). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Калмыки. Ч.1-2. Казань: Центральная типография.

Бадмаев, С.Б. (1971). О расширении воспроизводства в дореволюционной скотоводческом калмыцком хозяйстве. *Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ*. № 13. Сер. историческая. Элиста, 70–76.

Бадмаев, С.С. (1993). Основные направления хозяйствования и развития форм собственности в Калмыкии во второй половине XIX–начале XX вв. *Проблемы всеобщей истории*. Элиста: Калмгосуниверситет.

Бадмаева, Е.Н. (2010). Вопросы развития животноводства Калмыкии в 1930-1940-х гг. *Oriental Studies*. 3(1), 67–70.

Батыров, В. В. (2016). Большая патриархальная семья у калмыков в конце XIX в. // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 12 (54). Часть 2. 100–102.

Белоусов, С. С. (2002). К истории разработки программы заселения дорог на калмыцких землях – первой государственной программы социально-экономических преобразований в Калмыкии. *Вестник КИГИ РАН*. Элиста, АПП «Джангар», 120–133.

Борисенко И. В. (1991). *Очерки исторической географии Калмыкии. Дореволюционный период.* Элиста.

Бузгулов, Д. (1997). Не взыскания, а награды заслуживает… Тимирязев И. С. *Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки.* Астрахань: ИПК «Волга», 81–94.

Бурчинова, Л.С. (1977). Развитие животноводства Калмыцкой степи Астраханской губернии в 60-х начале 90-х XIX в. *Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии*. Калмыцкий НИИЯЛИ. 77–105.

Бюлер, Ф.А. (1846). Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. *Отечественные записки*. СПб., Т. 47, отд. 2, № 7. С. 1-28; № 8. С. 59-125; Т. 48, № 10. С. 57-94; Т. 49, № 11. С. 1–44.

Городовиков О.И. *Воспоминания.* М., 1957.

Дуброва, Я.П. (1899). *Быт калмыков Ставропольской губернии*. Казань.

Житецкий, И. А. (2013). *Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг.* Москва.

Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции (1868). СПб.: Министерство государственных имуществ; тип. В. Безобразова и К°.

Колчерин, А. (2014). *Христианизация народов Поволжья. Н. И. Ильминский и православная миссия.* Москва: РИСИ.

Команджаев, А.Н. (1976). Капиталистические тенденции развития животноводства в конце Х1Х – начале ХХ вв. *Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ*. 15. Сер. историческая. Элиста, 90-116.

Команджаев, А. Н. (2009). О месте переселенческого хозяйства в аграрной эволюции Калмыкии. *История Калмыкии*. Т. 2. Элиста: ИД «Герел».

Команджаев, А. Н. (2011). Кочевое хозяйство калмыков: исторический опыт и современное звучание. *Экономическая история*, (4), 22–25.

Команджаев, А. Н., Андропов, А.Н. (2013). Развитие сельского хозяйства в Калмыкии во второй половине XIX века. *Вестник Калмыцкого университета*. История и археология. № 1(17). 56–63.

Костенков К. (1870). *Исторические и статистические сведения о калмыках*. СПб.

Кычанов, Е. И. (1997). Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит.

Лиджиева, И. В. (2016). Защита границ кочевий калмыков Главным попечителем калмыцкого народа В. А. Башкировым (1892–1895 годы). *Новый исторический вестник*. 24–31.

Мефодий, иеромонах (Львовский) (1898)**.** *Происхождение и история калмыков Большедербетовского улуса и калмыцкие хурулы*. Ставрополь**.**

Наберухин, А. И., Тепикин, А. В. (1980). Программные требования калмыцкой национальной буржуазии накануне и в годы первой русской революции. *Калмыкия в трех революциях и гражданской войне.* Элиста: Калмыцкое кн. изд-во. 42–63.

Небольсин, П. И. (1852). *Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса*. СПб., Типография Карла Крайя.

Нефедьев, Н. (1834). *Подробные сведения о волжских калмыках*, собранные на месте Н.Нефедьевым. СПб.: Тип. Карла Крайя.

Паллас, П. С. (1809). *Путешествие по разным провинциям Российской империи*. Часть 1. СПб.

Позднеев, А.М. (1886). Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. CCXLIV, № 3 (март). СПб. 140-170.

Попов, А. В. (1839). Краткие замечания о приволжских калмыках. *Журнал Министерства народного просвещения.* Ч. XXII. Отдел II. 17–47.

Содномпилова М. М. (2009). *Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

Страхов, Н. И. (1810). *Нынешнее состояние калмыцкого народа, с привосокуплением калмыцких законов, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни «Савардин».* СПб.: тип. Шнора.

Схиммельпеннинкван дер Ойе, Дэвид (2004). *Мирза Казем-бек и Казанская школа востоковедения. Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань: Центр исследований национализма и империи.

Трепавлов, В.В. (1999). Формирование системы отношений между центром и национальными окраинами в России (XVI-XX века). *Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений.* М.: Наука, Институт российской истории РАН, 115–120.

Фризен, Д. Я. (2016). Взаимоотношения между казахами и крестьянами-переселенцами Западного Казахстана в XIX – начале XX века. *Самарский научный вестник*. № 4 (17). 117–121.

References

PSZ RI – The complete collection of laws of the Russian Empire. *Vol. XXVII.* 1st sobr. SPb.: Type. II Ed. Own. His Imp. Vel-va Chancery, 1830a. 1196 p.; *Vol. XXIX.* 1st sobr. SPb.: Type. II Ed. Own. His Imp. Vel-va Chancellery, 1830b. 1389 p.; 2nd sobr. T. XXII. SPb.: Type. II Ed. Own. His Imp. Vel-va Office, 1848. 951 p.

HA AO – State archive of the Astrakhan region. F. 1. Op. 1. D. 2502; F. 857. Op. 1. D. 12.

HA SC – State archive of the Stavropol territory. F. 408. Op. 1. 3. L. 3

HA KalmNC RAN – Research archive Kalmyk scientific center of RAS. F. 4. Op. 2. D. 271. L. 16.

NA RK – National Archive of the Republic of Kalmykia. F. 1. Op. 1. D. 199; F. 2. Op. 1, d. 368; F. 9. Op. 1. D. 219; F. 9. Op. 4. D. 131;F. 9. Op. 5. D. 1228. L. 1.

Gury (Stepanov), Archimandrite (1915). *Essays on the history of the spread of Christianity among the Mongolian tribes*. Vol. 1. Kalmyks. Ch. 1-2. Kazan: Central Printing House (in Russian).

Badmaev, S. B. (1971). On the expansion of reproduction in the pre-revolutionary cattle breeding Kalmyk economy. *Bulletin of the Kalmyk NIIYALI*. No. 13. Ser. historical. Elista, 70-76 (in Russian).

Badmaev, S. S. (1993). The main directions of management and development of forms of ownership in Kalmykia in the second half of the XIX-early XX centuries. *Problems of universal history.* Elista: Kalmgosuniversitet (in Russian).

Badmaeva, E. N. (2010). Questions of the development of animal husbandry in Kalmykia in the 1930s and 1940s. *Oriental Studies*. 3(1), 67–70 (in Russian).

Batyrov, V. V. (2016). A large patriarchal family among the Kalmyks at the end of the XIX century. *International Scientific Research Journal*. 2016. № 12 (54). Part 2. 100-102 (in Russian).

Belousov, S. S. (2002). On the history of the development of the road settlement program on the Kalmyk lands – the first state program of socio-economic transformations in Kalmykia. *Bulletin of the KIGI RAS*. Elista, APP "Dzhangar", 120-133 (in Russian).

Borisenko, I. V. (1991). *Essays on the historical geography of Kalmykia*. The pre-revolutionary period. Elista (in Russian).

Buzgulov, D. (1997). Not punishments, but rewards deserve… Timiryazev I. S. *Astrakhan governors. Historical and local history essays*. Astrakhan: IPK "Volga", 81-94 (in Russian).

Burchinova, L. S. (1977). The development of animal husbandry in the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the 60s and early 90s of the XIX century. *From the history of pre-capitalist and capitalist relations in Kalmykia*. Kalmyk NIIYALI. 77-105 (in Russian).

Buhler, F. A. (1846). Nomadic and sedentary foreigners living in the Astrakhan province. Their history and real life. *Domestic notes*. St. Petersburg, Vol. 47, ed. 2, No. 7. pp. 1-28; No. 8. pp. 59-125; Vol. 48, No. 10. pp. 57-94; Vol. 49, No. 11. pp. 1-44 (in Russian).

Gorodovikov O.I. *Memoirs.* M., 1957.

Dubrova, Ya. P. (1899). The life of the Kalmyks of the Stavropol province. Kazan (in Russian).

Zhitetsky, I. A. (2013). *Essays on the life of the Astrakhan Kalmyks. Ethnographic observations of 1884-1886.* Moscow (in Russian).

The Kalmyk steppe of the Astrakhan province according to the research of the Kumo-Manych expedition (1868). St. Petersburg: Ministry of State Property; type. V. Bezobrazova and Co. (in Russian).

Kolcherin, A. (2014). *The Christianization of the peoples of the Volga region. N. I. Ilminsky and the Orthodox Mission*. Moscow: RISI (in Russian).

Komandzhaev, A. N. (1976). Capitalist trends in the development of animal husbandry in the late X1X-early XX centuries. *Bulletin of the Kalmyk NIIYALI.* 15. Ser. historical. Elista, 90-116 (in Russian).

Komandzhaev, A. N. (2009). About the place of the resettlement economy in the agrarian evolution of Kalmykia. *History of Kalmykia*. Vol. 2. Elista: ID "Gerel" (in Russian).

Komandzhaev, A. N. (2011). Nomadic economy of the Kalmyks: historical experience and modern sound. *Economic History*, (4), 22-25 (in Russian).

Komandzhaev, A. N., Andropov, A. N. (2013). The development of agriculture in Kalmykia in the second half of the XIX century. *Bulletin of the Kalmyk University*. History and archeology. № 1(17). 56–63 (in Russian).

Kostenkov, K. (1870). *Historical and statistical information about the Kalmyks*. SPb. (in Russian)

Kychanov, E. I. (1997). *Nomadic states from the Huns to the Manchus*. Moscow: East lit (in Russian).

Lidzhieva, I. V. (2016). Protection of the borders of the Kalmyks' nomads by the Chief Trustee of the Kalmyk people, V. A. Bashkirov (1892-1895). *New Historical Bulletin*. 24–31 (in Russian).

Methodius, Hieromonk (Lviv) (1898). *The origin and history of the Kalmyks of Bolshederbetovsky ulus and Kalmyk huruli*. Stavropol (in Russian).

Naberukhin, A. I., Tepikin, A.V. (1980). The program requirements of the Kalmyk national bourgeoisie on the eve and during the first Russian Revolution. *Kalmykia in three revolutions and a civil war.* Elista: Kalmyk publishing House. 42–63 (in Russian).

Nebolsin, P. I. (1852). *Essays on the life of the Kalmyks of the Khosheutovsky ulus*. St. Petersburg, Printing House of Karl Kraya (in Russian).

Nefedyev, N. (1834). *Detailed information about the Volga Kalmyks*, collected on the spot by N. Nefediev. SPb.: Type. Karla Kraya (in Russian).

Pallas, P. S. (1809). *Travel to different provinces of the Russian Empire*. Part 1. St. Petersburg (in Russian).

Pozdneev, A. M. (1886). Astrakhan Kalmyks and their attitude to Russia before the beginning of this century. *Journal of the Ministry of Public Education*. Ch. CCXLIV, No. 3 (March). St. Petersburg. 140-170 (in Russian).

Popov, A.V. (1839). Brief remarks about the Volga Kalmyks. *Journal of the Ministry of Public Education*. Ch. XXII. Division II. 17-47 (in Russian).

Sodnompilova M. M. (2009). *The world in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples.* Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS (in Russian).

Strakhov, N. I. (1810). *The current state of the Kalmyk people, with the addition of Kalmyk laws, ten rules of their faith, prayer, a moral story, a fairy tale, proverbs and a song "Savardin*". St. Petersburg: type. Schnora (in Russian).

Schimmelpenninkvan der Oye, David (2004). *Mirza Kazem-bek and the Kazan School of Oriental Studies. The new Imperial history of the post-Soviet space*. Kazan: Center for Research on Nationalism and Empire (in Russian).

Trepavlov, V. V. (1999). Formation of a system of relations between the center and national suburbs in Russia (XVI-XX centuries). *Russia in the XX century. Problems of National Relations.* Moscow: Nauka, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 115-120 (in Russian).

Friesen, D. J. (2016). The relationship between Kazakhs and migrant peasants of Western Kazakhstan in the XIX-early XX century. *Samara Scientific Bulletin*. № 4 (17). 117–121 (in Russian).